

К. А. БАРШТ*

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ДОСТОЕВСКОГО: ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

Ключевые слова: Дефо Д., баня с пауками, два разряда людей, преступление с доброй целью, $2 \times 2 = 5$, «трихины» Раскольникова, каморка-гроб.

Статья предоставляет новые сведения об аллюзивном плане романа Достоевского «Преступление и наказание»: цитаты из Корана и произведений Д. Дефо, Н. Мальбранша, Л. Фейербаха, Б. Паскаля, В. Ирвинга, В. Г. Белинского, инок Парфения, В. П. Буренина, а также криптографические ссылки на события личной жизни писателя.

Чумной год и призраки

Рассказывая Раскольникову о своих отношениях с Марфой Петровной, которая, по слухам, была им убита, Свидригайлов задает ему вопрос, верит ли он в привидения, и рассказывает о том, что его «наяву» «Марфа Петровна посещать изволит <...> три раза приходила» (6, 218–219). Не исключено, что Достоевский был знаком с «Правдивым рассказом о явлении призрака некоей миссис Вил» Д. Дефо (1706), а также «Дневником чумного года» (1722) и «Отчетом об истории и реальности привидений» (1727) того же автора. Эти тексты были хорошо знакомы русским писателям XVIII–XIX вв. «Дневник чумного года»¹, был, к примеру, в библиотеке Пушкина, и по его мотивам был написан «Пир во время чумы»².

В указанных выше произведениях получила воплощение одна из характерных черт повествовательной манеры Дефо, которая выражалась в осознанном стремлении придать рассказу форму исторического свидетельства. Исследователи отмечали, что, когда Дефо обращался

* Константин Абрекович Баршт, д-р филол. наук, профессор, вед. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — konstantin_barsht@pushdom.ru.

¹ *De Foe D. The History of the Great Plague in London with an Introduction by the Rev. H. Stebbing, M. A., Author of «Lives of Italian Poets».* London, [1722]

² См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 219.

в своих сочинениях к теме явления привидения, его описания «отличались удивительной точностью», в «Правдивом сообщении о появлении призрака некоей миссис Виль» «привидение непринужденно пьет чай и признается, что надетое на нем платье уже побывало в чистке»³. Как указывает К. Н. Атарова, это произведение заставило многих уверовать «в возможность общения с потусторонним миром»⁴.

Другим аспектом этого вопроса является концепция, в соответствии с которой человек, пребывая в болезненном состоянии, способен видеть призраки умерших людей. Эта мысль проводится во всех указанных выше текстах Дефо. Писатель настаивал, что способность восприятия привидений может оказаться доступной человеку, пребывающему в болезненном состоянии и стоящему на пороге смерти, эта ситуация резко обостряет его видение реальности, в результате чего он способен прикоснуться к вещам, недоступным для восприятия людьми физически здоровыми. Этим, по его мнению, объясняется, что во время эпидемии чумы в Лондоне «люди, что ни день, сообщали о своих видениях»; повествователь «Дневника чумного года» описывает, как он «увидел толпу на улице, подошел к ней из любопытства и обнаружил, что все уставились в небо, надеясь разглядеть то, что только что ясно увидела одна женщина, а именно: ангела в белых одеждах с огненным мечом в руках, размахивающего им над головой. <...> стоит человек и смотрит мимо палисадника на кладбищенский дворик; его обступил народ, заполонив проулок и оставив лишь малюсенькую щелку для проходящих мимо; человек говорит громко, с видимым удовольствием, указывая то на одно место, то на другое. Он утверждает, что видит привидение, разгуливающее вон у той могильной плиты; человек описывает его наружность, позы и движения так точно, что до глубины души изумлен, почему остальные не видят его столь же явственно, как и он сам»⁵.

Подобная мысль содержится в записи, сделанной Достоевским в его записной тетради во время работы над «Преступлением и наказанием»: «NB. Суждение его о явлении призраков. Говорит, что призраки являются только в нездоровом состоянии, стало быть, нелепость. Неправильное логическое суждение: отчего не сказать так, что они могут только являться в привычном неорганическом состоянии и совершенно мы с ними соприкасаемся, когда разрушается наш организм. А что здоровому не являются, так это и понятно: тут сама природа противится призракам, ибо для порядка и для полноты жизни, а более всего для порядка, нужно, чтоб мы жили одною жизнью, а не двумя (за 2 зайцами), так что тут сама природа себя защищает и отстаивает от другого мира, то есть от призраков. Чуть же расстроен организм, и мы способны ста-

³ Атарова К. Н. Примечания // Дефо Д. Дневник чумного года. М., 1997. (Сер. Литературные памятники). С. 398.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Дефо Д. Дневник чумного года. С. 41–44.

новимся тотчас соприкасаться с призраками и с другими мирами. Так что это и правильно, что явление призраков есть признак нездорового организма, из чего, впрочем, совсем нельзя заключить, что призраки не существуют» (7, 165).

Следует отметить, что «Правдивый рассказ о явлении призрака некоей миссис Вил на следующий день после ее смерти некоей миссис Баргрэйв в Кентербери 6 сентября 1705 года», впервые опубликованный 5 июля 1706 г., многократно воспроизводился в составе известной и популярнейшей книги Дрелинкура (Charles Drelincourt; 1595–1669): «Защита христиан от страхов перед смертью, вместе с уместными наставлениями касательно того, как подготовить себя к достойной кончине. Написано на французском языке покойным священником протестантской церкви Парижа Ч. Дрелинкуром в 1635 г.»⁶. «Правдивый рассказ о явлении призрака некоей миссис Вил» Д. Дефо неоднократно публиковался также в Полном собрании сочинений Вальтера Скотта на французском языке⁷. Указанное выше стремление Д. Дефо к правдоподобию в его фантастических повествованиях подчеркивал и В. Скотт в приложенном к этой публикации очерке: «Заметки биографические и литературные о Даниеле Дефо»⁸.

Баня с пауками

Во время своей семипалатинской ссылки, после нескольких месяцев, проведенных в казарме, пользуясь расположением начальства, Достоевский получил возможность переехать на частную квартиру —

⁶ *Drelincourt Ch. The Christian's defence against the fears of death: with seasonable directions how to prepare ourselves to die well / Translated into English by Marius D'Assigny B. D. With an account of the author and his last minutes; and a true relation of the apparition of mrs. Veal after her death to mrs. Bargrave. The twenty-sixth edition. Liverpool, 1810* (текст Дефо находится на с. 9–20); *The apparition of mrs. Veal (the nest day after her death) to mrs. Bargrave. At Canterbury, the Eighth of September 1705 // The Christian's defence against the fears of death: with seasonable directions how to prepare ourselves to die well. Written originally in French by the late reverend divine of the Protestant Church of Paris Charles Drelincourt / Translated into English by Marius D'Assigny B. D. A new edition, corrected and embellished with a portrait of the author. With an account of the author and his last minutes. Edinburgh, 1816* (текст рассказа Дефо в этой книге находится на с. 1–8 второй пагинации). Выдержавшая до 1860-х гг. шесть изданий на русском языке, книга Дрелинкура выходила без этого произведения Д. Дефо: *Сокровище сладчайших утешений против ужасов смерти или изящнейший способ спокойно умереть / Перевел с иностранного московский священник Николай Виноградский. М., 1802 (Изд. 6-е: 1855).*

⁷ Например: *Relation véritable de l'apparition d'une mistress Veal le lendemain de sa mort une mistress Bargrave Canlorbéry le Septembre 1705, etc. // Oeuvres complètes de Sir Walter Scott. Tome neuvième. Liège, 1828. P. 383–391.*

⁸ *Scott W. Notice Biographique Et Littéraire sur Dauiel De Foe // Oeuvres complètes de Sir Walter Scott. Tome neuvième. Liège, 1828. P. 361* (Очерк Вальтера Скотта находится на с. 322–376).

«за ответственностью его ротного командира Степанова»⁹. Творческий процесс Достоевского по созданию созданного там романа «Село Степанчиково» в изображении мемуариста выглядел так: «Расстегнув шинель, с чубуком во рту, он шагал по комнате, часто разговаривая сам с собою <...> как сейчас вижу его в одну из таких минут; в это время он задумал писать “Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково”»¹⁰. Дом, в котором жил и работал Достоевский, имел вид «закопченной деревенской бани с пауками», совпадающей по внешнему виду с моделью загробной вечности, которую проектирует Свидригайлов в «Преступлении и наказании»: «...представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» (6, 221). Мемуарист отмечает: «Изба была бревенчатая, древняя, скривившаяся на один бок, без фундамента, вросшая в землю, и без единого окна наружу, ради опасения от грабителей и воров»; «На стенах, там и сям, лубочные картинки, засаленные и засиженные мухами. У входа налево от дверей большая русская печь. За нею помещалась постель Ф. М., столик и, вместо комода, простой дощатый ящик. Всё это спальное помещение отделялось от прочего ситцевою перегородкой. За перегородкой в главном помещении стоял стол, маленькое в раме зеркальце. На окнах красовались горшки с геранью и были занавески, вероятно, когда-то красные. Вся комната была закопчена и так темна, что вечером с сальной свечой — стеариновые тогда были большою роскошью, а освещения керосином еще не существовало, — я еле-еле мог читать. Как при таком освещении Ф. М. писал ночи напролет — решительно не понимаю»¹¹.

Сходство семипалатинского дома Достоевского с образом «вечности» в представлениях Свидригайлова подчеркивается также тем, что в обоих помещениях отмечен переизбыток насекомых: «Была еще приятная особенность его жилья, — пишет А. Е. Врангель, — тараканы старыми бегали по столу, стенам и кровати, а летом особенно блохи не давали покоя»¹². «А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде», — говорит Свидригайлов (6, 221). Почти не стоит упоминания то обстоятельство, что после выхода из каторги Достоевского терзала мысль о возможном завершении в условиях ссылки его творчества и самой жизни.

Теория В. Г. Белинского о «двух разрядах»

В известной теории Раскольникова о «двух разрядах людей», возможно, содержится аллюзия на В. Г. Белинского, который активно раз-

⁹ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. СПб., 1912. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 30–31.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же.

вивал сходную идею в своих критических статьях. Критик настаивал на том, что все писатели делятся на два основных типа: «гениев» и «обыкновенных талантов»¹³, и что писатели низшего сорта, «обыкновенные таланты»¹⁴, необходимы лишь для статусного течения литературного процесса: «Беллетрист есть подражатель, он живет чужою мыслию — мыслию гения»¹⁵, в то время как выдающие таланты снабжают общество «новым словом». Согласно мысли Белинского, «обыкновенный талант» «не создает своих идей, а только подхватывает и развивает идеи гения, он популяризирует их и делает всеобщим достоянием». Критик считал ненормальным положение, при котором «гениальные действователи», такие как Пушкин, Лермонтов и Гоголь, не были в достаточной мере «окружены огромною и блестящею» толпой обыкновенных талантов, которые могли бы быть «посредниками между ними и публикою, усвоив их идеи и идя по проложенной ими дороге»¹⁶. Белинский высоко ценил эту свою идею, называя ее «самобытной и оригинальной», многократно манифестируя ее в своих статьях и иллюстрируя фактами из истории русской литературы¹⁷.

Особенно ярко эта парадигма актуализировалась в известном споре о философско-эстетических параметрах труда художника слова с его главным оппонентом в тот период, К. С. Аксаковым, который с сарказмом цитировал Белинского, отрицая возможность такого рода подразделения литераторов на два типа, при котором «обыкновенные таланты» будут обеспечивать не высокую поэзию, но лишь «беллетристику», а саму необходимость наличия «посредственных писателей» и «посредственных произведений» считал парадоксом¹⁸.

Мальбранш о незаурядной личности

Во второй записной тетради Достоевского находится дважды повторенная каллиграфическая запись: «Мальбранш» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. Л. 150). Монументальный труд Николая Мальбранша «Разыскания истины» (*Malebranche N. De la recherche de la verite, 1674–1675*) на протяжении XVIII и XIX вв. был существенным компонентом русской и европейской философской жизни; в первые пять лет после первой публикации вышло шесть изданий книги, тут же появились и переводы, в том числе на латынь. Книга переиздавалась десятки раз, имея

¹³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. М., 1955. С. 448–449.

¹⁴ Там же. Т. 8. С. 378.

¹⁵ Там же. Т. 9. С. 449.

¹⁶ Там же. Т. 12. С. 479.

¹⁷ Там же. Т. 10. С. 149.

¹⁸ [Аксаков К. С.] Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Ч. 1. С.-Петербург. 1845. В 8-ку // Москвитянин. 1845. Ч. III; № 5 и 6 (май и июнь). Отделение второе: Изящная словесность и смесь. С. 91–96.

особенную популярность, помимо Франции, в Германии, Голландии и Англии. Методологически связанная с окказионализмом, философия Мальбранша для представителей самых различных философских школ служила важным инструментом борьбы с материализмом и сенсуализмом; особенной популярности она достигла к середине XIX в. Влияние этого мыслителя на философско-религиозную мысль Европы было более чем значительным¹⁹, известны следы влияния философии Мальбранша на творчество русских писателей²⁰. Достоевский мог читать «Разыскания истины» только в оригинале, так как перевод на русский язык был создан лишь в начале следующего столетия²¹. Наиболее близким к интересующему нас моменту (1864–1866 гг., работа над романом «Преступление и наказание») было издание 1853 г.²², хотя не исключено, что писатель познакомился с этим трудом в юности, в период обучения в кондукторских классах Главного инженерного училища (1838–1841 гг.), когда он интенсивно осваивал библиотеку в Инженерном замке.

Преступление на уровне теории

Согласно известной концепции Раскольникова, «люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово» (6, 200). Фактически, здесь идет речь о философе, который пытается совместить свою гипотезу с реальной жизнью. Психологический процесс, который сопутствует такого рода совмещению, получил детальное описание в книге Мальбранша «Разыскания истины»: «С учеными случается то, что с путешественниками. Если путешественник, по несчастью, собьется с дороги, то чем дальше подвигается он, тем больше удаляется от места назначения. Он плутает тем больше, чем быстрее идет и чем больше спешит прибыть на желанное место. Так, страстное стремление к истине заставляет людей набрасываться на книги <...> или же они измышляют химерическую систему вещей»²³. В главе, специально посвященной опасности ложных доктрин («Об изобретателях новых систем») Мальбранш говорит о существовании двух основных типов людей:

¹⁹ Смелова Е. Вступительная статья // Мальбранш Н. Разыскания истины. М., 1999. С. 28–29.

²⁰ Бочаров С. Г. Французский эпиграф к «Евгению Онегину» (Онегин и Ставрогин) // Московский пушкинист. Т. I. М., 1995. С. 213.

²¹ Мальбранш Н. Разыскания истины. Т. 1–2. СПб., 1903–1906.

²² [Malebranche N.] Oeuvres de Malebranche. Serie 2. Recherche de la verite / Collationnee sur les meilleurs textes et precedee d'une introduction, par M. Jules Simon. Charpentier, 1853.

²³ Мальбранш Н. Разыскания истины. М., 1999. С. 185–186.

имеющих «большие способности, чтобы найти какую-нибудь истинную систему» и «средних умов», обладающих «слишком узким кругозором, чтобы увидеть всё необходимое для установления какой-нибудь системы»²⁴. В своей книге Мальбранш детально анализирует феномен «гордого теоретизирования», которое, по его мнению, неизбежно приводит к подразделению человечества на «избранных» и «обыкновенных», что в итоге таит в себе большую опасность — и для самого «теоретика», и для общества. В главе VIII книги («О желании казаться ученым. О разговорах лжеученых. Об их сочинениях»), философ характерным образом объединяет в одно целое книгу, сочиненную «из тщеславия», и уголовное преступление. Согласно его мнению, «гордых теоретиков» в научные исследования вовлекает «желание казаться выше других <...> в них пробуждается страсть и желание превосходства, и она увлекает их»²⁵. Далее философ детально анализирует особое «настроение ума, которое заставляет людей хвалиться преступлениями, которых другие не смеют совершить»²⁶. Основным мотивом и для того и для другого является, по мнению Мальбранша, ощущение себя «избранным», «необыкновенным» человеком, которому разрешена бóльшая степень свободы, чем окружающим; описанию специфических трудностей в жизни такого рода людей посвящена в его книге целая глава. Согласно его мнению, для человека, наделенного выдающимся умом и талантом и не желающего быть затоптанным толпой посредственностей, которые естественным образом будут считать его «белой вороной» или преступником, необходимо попытаться «насколько возможно, приспособиться к общему уровню; ибо ничто так сильно не возбуждает зависти и неприязни людей, как то, если им покажется, что вы имеете мнения незаурядные»²⁷. Кроме того, этим «избранным» нужно быть очень осторожными в открытии известных им «сокровенных истин»: «...глубокое и не общепринятое благочестие весьма нередко лишает бенефиций»²⁸.

Склонность к совершению преступления, пишет Мальбранш, часто бывает проявлением себялюбия, которое «может быть подразделено на два вида, именно: любовь к величию и любовь к удовольствию». Первое из них — удел «избранных», второе более свойственно людям «обыкновенным»: «В силу любви к величию мы домогаемся власти, возвышения, независимости и того, чтобы наше существо существовало само по себе <...> мы хотим, в известном смысле, быть как боги». Однако, это движение к «возвышению» закономерно приводит к «несчастью»: «...величие, превосходство и независимость твари не суть такие состояния, которые делают ее счастливою сами по себе, потому

²⁴ Там же. С. 201.

²⁵ Там же. С. 349–350.

²⁶ Там же. С. 354.

²⁷ Там же. С. 355.

²⁸ Там же. С. 356.

что часто случается, что человек становится несчастнее, по мере того как возвышается»²⁹. Это тот самый тип «страдания», который Достоевский называл непременным условием «счастья» (7, 155), разумеется, доступного лишь людям «первого» типа, способным удовлетворяться своим величием и игнорирующим потребности своего тела. Анализируя характер Раскольникова, Порфирий говорит ему: «Я ведь вас за кого почитаю? <...> за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей <...> Что ж, страдание тоже дело хорошее» (6, 351).

Раскольников оправдывает свое преступление в разговоре с Соней тем, что он убил «гадную, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят» (6, 400). Мальбранш считал, что называть человека «преступником» лишь за то, что он сделал нечто, выходящее за рамки установленных обществом ограничений, значит становиться на ложный путь, это не имеет смысла и как минимум некорректно. Приводя в пример библейскую историю, он обратил внимание на то, что Иисус Христос не наказывает Иуду, хотя и знает о его планах; причина заключается в том, что он отстаивает требование свободы совести, возможность мыслить свободно — что есть высшая ценность человеческого бытия: «...ибо нравственно невозможно, кажется, чтобы все члены одного ордена одинаково бы мыслили»³⁰. Опираясь на Декарта, он доказывает, что Бог находится в прямом и непрерывном контакте с нашим сознанием, контролируя всё, что мы видим, осознаем и предпринимаем. Ничто в мире не совершается помимо Божественного Промысла, утверждал Мальбранш, отсюда следует, что «не следует верить людям на слово, когда они обвиняют других в величайших преступлениях»³¹, следовательно, для того, чтобы понять смысл происшедшего, необходимо прислушаться к голосу Высшего Разума, который в рамках просвещающих человека «сомнениях света» наставит на путь истинный и даст верную оценку происшедшему. Согласно Мальбраншу, главным преступлением против истины является отказ от своей свободы, в то время как «пользование же своею свободою должно состоять в том, что мы должны *пользоваться ею, насколько можем*; т. е. никогда не соглашаться на что бы то ни было, пока мы не будем как бы принуждены к тому внутренними увещеваниями нашего разума»³². Этот алгоритм

²⁹ Мальбранш Н. Разыскания истины. С. 340.

³⁰ Там же. С. 309.

³¹ Там же. С. 345.

³² Там же. С. 56. Отметим присутствующую здесь концепцию интуиции, которая сопутствует разуму человека как второй важнейший инструмент достижения истины, развитую позже Анри Бергсоном, который повторил многое, о чем писал Достоевский, который, в свою очередь, в своих мыслях о свойствах человеческого разума и средствах достижения истины повторял идеи Мальбранша. Задолго до Бергсона Мальбранш говорил об отблеске Истины в душе человека, не употребляя при этом термин «интуиция»,

реализации человеком своей свободы неизбежно приводит человека, который не в силах смириться с тяжкими несправедливостями, творящимися вокруг него, к решению выйти на бой с несправедливостью; это бунт, к которому в разных этико-социальных вариантах приходят все без исключения герои-философы писателя.

Настоящий властелин

В ответ на реплику Разумихина: «Ну а действительно-то гениальные, <...> вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?», Раскольников отвечает: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, — прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора» (6.203). Эта же моральная проблема стала предметом аналитического рассмотрения в книге Мальбранша, правда, он пришел к прямо противоположному выводу: Александр Македонский, «столь прославляемый в истории за свои знаменитые разбои, иногда в глубине своей души испытывал те же укоры совести, что убийцы и грабители, и лесть окружавших его не заглушала их»³³.

Мечта

Идея убийства процентщицы является Раскольникову в виде «мечты», обладающей обликом «безобразной, но соблазнительной дерзости» (6, 7). Мечтателями в той или иной степени являются и многие другие персонажи «Преступления и наказания»: Мармеладов, пребывающий в «летучих мечтах» (6, 19), Авдотья Романовна (6, 32), Пульхерия Александровна (6, 176), свои «мечты» есть у Разумихина (6, 163–164, 238), оставшейся за пределами романного действия невесты Раскольникова (6, 177), Свидригайлова (6, 214, 235, 365), в мечтательное состояние впадают Соня Мармеладова (6, 251), Катерина Ивановна (6, 292, 329), Лебезятников (6, 278, 290). Анализируя убийство процентщицы, следователь Порфирий Петрович обнаруживает в нем признаки «книжной мечты» и «теоретически раздраженного сердца» (6, 348).

Тема мечтательности, состояния, альтернативного другим способам «представлять вещи» — чувственному ощущению и чистому

однако имея в виду то же самое: «...подчиняться добровольно тем тайным увещаниям разума, которые сопровождают отказ признать очевидность, — значит повиноваться голосу вечной истины, который говорит нам внутри нас» (*Мальбранш Н. Разыскания истины. С. 56*).

³³ Там же. С. 36.

мышлению — занимает особое место в системе Мальбранша; стоит заметить, что и самого философа современники называли «мечтателем»³⁴. Если мышление формирует отвлеченные понятия, фиксирующие определенные фигуры реальности — «универсалии, общие понятия, идею совершенства, идею бесконечно совершенного существа», а также рефлексию как мысль о мысли, «réflexion», порождающую отвлеченные понятия, такие как «круг или квадрат, фигуру с тысячей сторон и тому подобные предметы», то в пределах воображения «душа представляет только материальные предметы, когда их нет налицо, а она представляет их присутствующими, вызывая образы их в мозгу»³⁵. При этом Мальбранш отказывается утверждать достоверность этих продуктов воображения: «Из того, что мы имеем идею какой-нибудь вещи, не следует, что она существует, и еще менее, что она вполне подобна идее, которую мы имеем о ней <...> думать, что мы видим тела такими, каковы они сами в себе, предрассудок, ни на чем не основанный»³⁶.

Это порождает опасное расхождение индивидуального видения мира с действительностью, опасного и для самого носителя «мечты», и для окружающих, особенно если «мечтатель» решает проявить активность в сфере социальной жизни. В своей книге Мальбранш рисует образ труднораспознаваемого «тайного мечтателя», погруженного в «иллюзии и ненормальности их воображения»³⁷, «имеющего жалкую фигуру», «грязный и потертый воротничок», который говорит «высокие и прекрасные, недоступные толпе истины»³⁸. Специфика этих мечтателей заключается в том, что они «сумасшедшие лишь наполовину <...> Они не визионеры чувств, а лишь визионеры воображения»³⁹; «визионерами чувств» Мальбранш называл клинических сумасшедших, которые «не видят вещи такими, каковы они суть, и часто видят вещи, которых нет; те же, о ком я говорю здесь, визионеры воображения, потому что они воображают вещи совсем не такими, каковы они в действительности, и воображают даже вещи, которых нет»⁴⁰. Персонажи, которые затронуты этим «визионерством воображения», присутствуют во всех произведениях раннего Достоевского, начиная с Варвары Доброселовой, которая признается: «мечтательность изнуряет меня» (1, 83)⁴¹.

³⁴ Смелова Е. Вступительная статья. С. 11.

³⁵ Мальбранш Н. Разыскания истины. С. 63.

³⁶ Там же. С. 76.

³⁷ Там же. С. 212.

³⁸ Там же. С. 127.

³⁹ Там же. С. 213.

⁴⁰ Там же. С. 212.

⁴¹ См.: Фаустов А. А. Мечтатель // Очерки по характерологии русской литературы. Воронеж, 1998. С. 85–114; Самсонова Н. В. Четыре «возраста» одного героя (о трансформации образа мечтателя в творчестве Ф. М. Достоевского) // Филологические записки. Вып. 21. 2004. С. 37–45; Джакуинта Р. «У нас мечтатели и подлецы». О «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2002. № 3. С. 3–18.

Герой «Белых ночей», произведения, имеющего подзаголовок «Из воспоминаний мечтателя», объясняет свое состояние тем, что у него «мало действительной жизни» (2, 108), разлад с реальной действительностью приводит к трагическому финалу героев «Хозяйки», «Слабого сердца», «Господина Прохарчина», «Неточки Незвановой». Со своей стороны, Мальбранш посвятил немало страниц своего труда описанию людей, ушедших в мистику и магию, всякого рода чародеям и прорицателям, которых он считал психически больными, а тягу к ним обывателя — обычным суеверием⁴². Такой же точки зрения придерживался и Достоевский, описание Ивана Яковлевича Корейши, «блаженного и пророчествующего», данное им в романе «Бесы», выдержано вполне в духе рассуждения Мальбранша (10, 254–260).

Тему «мечтательства» принято связывать с ранним творчеством Достоевского, однако это не так: значительно большее место эта тема занимает в творчестве писателя 1860–1870-х гг. В ряде поздних произведений Достоевского хорошо чувствуется «мальбраншевский» аллюзивный план, а иногда возникают и реминисценции. Так, например, мысль о микроскопе как средстве преодоления ограниченности видения мира, которая многократно упоминается в «Разысканиях истины» Мальбранша⁴³, прочно заняла свое место в мирозерцании несомненного «мечтателя» Аркадия Долгорукова («Подросток») (13, 69). Используя ту же метафору, Катерина Николаевна упрекает Аркадия в том, что он видит реальность в превратном виде: «Помните, что я говорила вам про ваши глаза? — прибавила она шутливо. — Что у меня не глаза, а вместо глаз два микроскопа, и что я каждую муху преувеличиваю в верблюда!» (13, 209). В разговоре с Макаром Ивановичем Аркадий опять прибегает к той же метафоре, указывая на ограниченность рецептивных возможностей человека (13, 287), о своем опыте расширения пределов возможностей человека с помощью микроскопа подробно рассказывает Макар Иванович (13, 289–291).

Главными катализаторами «мечтательных» состояний, по Мальбраншу, являются тяжелые переживания, физическое утомление или голод; особенно это относится к высокоинтеллектуальным индивидуумам с обостренной чувственной сферой; это ощущения, приводящие к резкому изменению эмоционального состояния человека: «... сильные и резкие суть те, которые поражают и возбуждают душу с некоторою силою, потому что они ей или очень приятны, или очень неприятны; таковы: боль, щекотание, сильный холод, сильный жар» (с. 103–104). Идея убийства процентщицы в зачине «Преступления и наказания», являющаяся несомненной «мечтой» в мальбраншевском

⁴² «Рассеять суеверия трудно; нападая на них, непременно встретишь многочисленных защитников их; склонность же слепо верить всем бредням демонографов вызвана и поддерживается тою же самою причиною, которая делает суеверных людей упорными в их суевериях» (*Мальбранш Н. Разыскания истины*. С. 238–239).

⁴³ Там же. С. 73–74, 85, 271 и др.

смысле, пришла к Раскольникову на улице, когда он испытывал сильнейшее душевное потрясение от грубости окружающей его уличной жизни Петербурга: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. <...> В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел» (6, 6).

$$2 \times 2 = 5$$

Размышляя о возможности совершения убийства, оправданного добрыми намерениями, Раскольников связывает понятие о «справедливости» с «арифметикой»: «Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это всё, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика» (6, 50). Упомянутая здесь «арифметика» отсылает нас к концепции «вечной истины», которую Мальбранш доказывал с помощью излюбленного им и также многократно повторяемого Достоевским (6, 261, 262) арифметического примера: « $2 \times 2 = 4$ ». В истории философии Мальбранш занимает место создателя философской этики, основанной на идее, что нравственные законы есть прямое выражение намерения Бога в отношении мира. Человек обнаруживает свою связь с Богом в первую очередь с помощью логики и математики, именно они — путь к Богу, поэтому «арифметика» обладает этическим значением — ведь явления мира могут быть описаны как набор импульсов и соответствующих им перемещений объектов, совершающихся со строгой необходимостью. Бесконечная милость Бога к человеку позволяет ему делать всё что угодно (ему «всё позволено»), то, что мы делаем, получает милостивое согласие Бога (акт Его бесконечной любви к нам), однако в случае, если оно не согласуется с Провидением и является ошибкой, ответственность за сделанное ложится на каждого из нас.

Ранее эту тему поднимал главный учитель Мальбранша, Рене Декарт, который прямо связывал существование Бога с математикой, которая ведет человека из реальной действительности, отягощенной страстями и пристрастными мнениями, к миру Бога — сфере исти-

ны⁴⁴. Однажды Декарт пережил сильное потрясение в связи с видением, которое возникло перед ним в виде некоей математической картины, раз и навсегда изменившей его мировоззрение, ему представилось, что «законы вселенной можно вывести с помощью неких универсальных математических выкладок»⁴⁵. В одном из своих писем Декарт указывает: «...математические истины, кои Вы именуете вечными, были установлены Богом и полностью от него зависят»⁴⁶, из чего был сделан вывод, что математика, являя собой божественное откровение, есть инструмент получения достоверного и объективного знания о том, как устроен мир. Согласно мнению Спинозы, всеобщая и зависящая только от себя субстанция — Бог, действующая «единственно по законам своей природы»⁴⁷, мышление человека — один из двух необходимых атрибутов этой единой субстанции (вторым является «протяженность»), и правильное связывание между собой вещей в одно целое ведет к моделированию Божественного порядка. Истина, по мнению философа, может быть выражена только «посредством какого-нибудь атрибута Бога»⁴⁸, «выражающего вечную и бесконечную сущность мышления»⁴⁹. Математика предлагает инструмент для приближения к миру истины: «...свет истины вечно оставался бы сокрытым для человеческого рода, если бы математика, которая занимается не целями, а только сущностями и свойствами форм, не показала людям другой нормы истины»⁵⁰.

Параллельно Б. Спинозе, в трудах которого, как мы видим, последовательно проводилась мысль о возможности доказательства существования Божия и морального закона с помощью математики, Мальбранш употреблял это уравнение для обоснования онтологии Истины, прямым отражением которой являются «идеи». Он указывал, что «вечные истины, как, например, дважды два — четыре», дают нам возможность «созерцать идеи этих истин, ибо идеи реальны»⁵¹. Ранее в «Записках из подполья» Достоевский употреблял это словосочетание как знак аксиомы и противопоставлял ей формулу «дважды два — пять», указывающую на принципиальную возможность такого уровня свободы, при котором тайны мироздания, не всегда вмещающиеся в наш разум, могут породить новые законы и аксиомы⁵². В трудах Мальбранша

⁴⁴ См. об этом: *Стретерн П.* Декарт за 90 минут / Пер. с англ. Т. Л. Ждановой. М., 2005. С. 12–16.

⁴⁵ Там же. С. 18.

⁴⁶ Письмо к Мерсенну от 15 апреля 1630 г. (*Декарт Р.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 295–296).

⁴⁷ *Спиноза Б.* Этика. Минск–Москва, 2001. С. 24.

⁴⁸ *Спиноза Б.* Этика. С. 31.

⁴⁹ Там же. С. 37.

⁵⁰ Там же. С. 47.

⁵¹ *Мальбранш Н.* Разыскания истины. С. 285.

⁵² «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица» (5, 119).

эта формула занимает место не меньшее, чем в произведениях Достоевского. Рассуждая о том, каким образом формируется истина в сознании человека, он объясняет с помощью понятия о «воле» генезис и различия между тремя формами отражения мира в мышлении: «...со стороны рассудка всё различие между простым представлением, суждением и умозаключением сводится к тому, что в простом представлении рассудок созерцает простую вещь без всякого отношения ее к чему бы то ни было; в суждении рассудок представляет отношения между двумя или несколькими вещами; и, наконец, в умозаключении он представляет отношения, существующие между отношениями вещей <...> Когда мы, например, представляем два раза 2 и 4, то это есть простое представление. Когда мы судим, что дважды 2 есть 4 или что дважды 2 не есть 5, тогда рассудок опять-таки лишь представляет отношение равенства между дважды 2 и 4 или отношение неравенства между дважды 2 и 5»⁵³.

Этот арифметический пример Достоевский мог встретить также у В. Г. Белинского, который также пользовался этим несложным арифметическим действием для доказательства своих идей. В рецензии на сборник «Стихотворения М. Лермонтова» (Ч. IV. СПб., 1844) критик писал: «...не для всех доказанная истина, что *дважды два — четыре*: многие думают, что *дважды два* так же легко могут производить *пять* и *восемь*, как и *четыре*»⁵⁴. В споре с С. П. Шевыревым он трактовал логику оппонента как тяготеющую к признанию того, что «*дважды два* иногда бывает три, а иногда четыре»⁵⁵, а в рецензии на работу М. Розберга «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности» логику рецензируемого автора Белинский сводил к повторению им старой истины и что «*дважды два — четыре*», «конечно, забавно, если бы кто-нибудь, желая блеснуть новизною, стал доказывать, что *дважды два — пять*, и, наоборот, не менее было бы забавно, если бы тоже кто-нибудь с профессорской важностью стал рассуждать о том, что *дважды два — четыре!*»⁵⁶ В роли синонима «неоспоримой истины» Белинский употребляет пример «*дважды два — четыре*» в статье «Русская литература в 1840 году» и «Мысли и заметки о русской литературе» (1846)⁵⁷, склонный к парадоксам ум Ивана Васильевича, главного героя рассказа В. А. Соллогуба «Тарантас», Белинский описывает с помощью указания на его склонность «бросаться» на всё неясное и странное, «*дважды два — четыре*, это для него истина пошлая, грустная, и потому во всем он старается из двух, умноженных на два, сделать четыре с половиною или с четвертью»⁵⁸.

⁵³ Мальбрани Н. Разыскания истины. С. 53.

⁵⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 168.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Т. 3. С. 277–278.

⁵⁷ Там же. Т. 4. С. 426; Т. 9. С. 442.

⁵⁸ Там же. С. 83.

«Трихины» Раскольникова и «живые идеи» Мальбранша

Раскольникову во сне являются «какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей» (6, 419). Фактически, речь идет о бестелесных существах, обладающих интеллектом и способностью к самоуправлению. Попутно заметим, что по сути этот сон Раскольникова повторяет основную идею его «статьи»: в первом случае речь шла о делении человечества на два типа людей, «обыкновенных» и «способных сказать новое слово», здесь же — о «заболевших» и «немногих избранных», которые обладают иммунитетом против пресловутой «трихины», существа, обладающего самосознанием (6, 419). Мысль о том, что идеи могут обладать реальным существованием, трансформировалась в сознании Раскольникова в кошмарный сон, в котором идея зла вдруг получила способность прямого, ничем не опосредованного, физического влияния на сознание людей. Концепция, с которой Мальбранш вошел в историю философии, заключается в том, что идеи могут обладать и обладают самостоятельным существованием в виде наделенных волей и активностью сущностей.

Онтология Мальбранша не предполагает возможности воздействия друг на друга мыслящего духа и протяженной материи. Душа не в состоянии создавать идеи или воспринимать их из окружающего мира в силу принципиальной разнородности души и тела как двух не связанных друг с другом субстанций, в то же время в Боге со всей необходимостью имеются идеи всех сотворенных Им существ. Поэтому познание внешних тел возможно для человека лишь через созерцание их идей в Боге, то же касается и возможности каких-либо действий и поступков. Естественные причины явлений — лишь повод для проявления Божественной воли, тело служит окказиональной причиной изменений, происходящих в душе, или наоборот, но на самом деле причина всех изменений — Бог. На уровне практической жизни: например, если человек захочет пошевелить рукой или ногой, Бог немедленно, из милости к нам, переместит руку или ногу; в равной степени чувства усталости, радости или боли также идут от Бога. Таким образом, тела бездеятельны, а истинная причина их движения принадлежит Богу. Отсюда делается вывод, что «идеи имеют весьма реальное бытие»⁵⁹, наличие «реальных свойств» делает идеи «реальными существами»⁶⁰.

⁵⁹ Мальбранш Н. Разыскания истины. С. 268.

⁶⁰ Там же. С. 272–273.

«Преступление и наказание» и «Разыскания истины»: композиционное сходство

Алгоритм реализации человеком своей свободы в русле воли Творца, детально описанный Мальбраншем, неизбежно приводит человека, который не в силах смириться с тяжкими несправедливостями, творящимися вокруг него, к решению выйти на бой с рутинной; к такому же бунту в разных этико-социальных модусах приходят многие герои-философы писателя. Как и «Преступление и наказание», «Разыскания истины» Мальбранша состоят из шести частей: 1. «О чувствах», 2. «О воображении», 3. «О познании или о чистом разуме», 4. «О наклонностях или о природных движениях духа», 5. «О страстях», 6. «О методе». Схема развития сюжета «Преступления и наказания» чрезвычайно близка по своему смыслу к теореме Мальбранша о специфических видах заблуждений, в которые впадает человек, ищущий истину и свое бытийное место в мире. В гносеологии Мальбранша различаются четыре вида познания: 1. Познание через догадку (*par conjecture*), с помощью которого мы знаем о других существах; 2. Познание через идеи, с помощью которого мы знаем об окружающих нас предметах, 3. Познание через внутреннее чувство, с помощью которого мы отдаем себе отчет в собственном существовании, 4. Познание непосредственное, с помощью которого мы познаем Бога. Примерно в таком же направлении развивается и сюжет «Преступления и наказания», в котором один вид осмысления окружающего мира сменяется другим, заключаясь интуитивным и непосредственным принятием Бога главным героем.

В сущности, сюжет романа «Преступление и наказание» представляет собой историю принятия главным героем двух решений: об убийстве процентщицы и о покаянии после совершения преступления. Заметим, что, по логике Мальбранша, Бог открывает человеку только то, чего этот человек заслужил. В процессе работы над своим романом Достоевский делает в своей тетради запись, повторяющую мысль Мальбранша о выстраданной и интуитивно воспринятой (с помощью, как выражается писатель, «непосредственного сознания») идее Бога: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» и это «такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания» (7, 154–155).

Слова Настасьи про «кровь»

В романе «Преступление и наказание»: «Настасья молча и нахмурившись его рассматривала и долго так смотрела. <...> — Это кровь, — отвечала она наконец, тихо и как будто про себя говоря. — Кровь!.. Какая кровь?.. — бормотал он, бледнея и отодвигаясь к стене <...> А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выхода нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться... Есть-то станешь, что ли?»

(6, 91–92). Не исключено, что наивное «физиологическое» объяснение Настасьей психического состояния Раскольникова являет собой скрытую аллюзию на разъяснения Мальбраншем путей влияния физиологических процессов на формирование той или иной картины мира в сознании человека: «...если кровь очень жидка, то жизненных духов в ней много; напротив, если она густа, то их будет мало; если кровь, находящаяся в сердце и в других местах, состоит из частиц, очень подвижных, то жизненные духи, находящиеся в мозгу, будут также в высшей степени подвижны <...> млечный сок не идет сначала из внутренностей к печени по венам брыжеечным (*mésaraïques*), как это думали древние; но он проходит из кишок в млечные вены, а затем в известные сосуды, где оканчиваются все эти вены; отсюда он поднимается по грудному протоку (*canal thoracique*) вдоль спинных позвонков, чтобы смешаться с кровью в подмышковой вене (*axillaire*), которая входит в верхний ствол полых вен, и, смешавшись таким образом с кровью, он направляется в сердце. <...> жизненные духи, представляющие собою лишь ее части, но только самые жидкие, будут также весьма различны у голодавших известное время людей и у только что поевших»⁶¹.

«Неподвижная идея» Раскольникова и «идея фикс» в творениях Мальбранша

Основным событием в зачине «Преступления и наказания» является обретение Раскольниковым «неподвижной идеи», которая подвигла его на совершение преступления: «“Сегодня же, сегодня же!...” — бормотал он про себя. Он понимал, однако, что еще слаб, но сильнейшее душевное напряжение, дошедшее до спокойствия, до неподвижной идеи, придавало ему сил и самоуверенности» (6, 120). Мальбранш указывал, что важным признаком ложности идеи является ее статичность, другими словами, когда она предстает в виде «идеи фикс». Во 2-й книге «Разысканий истины» он дает подробное описание психического процесса, под влиянием которого впавший в тяжелое заблуждение разум человека останавливается на своей *idée fixe* и впадает тем самым в тяжелое и опасное заблуждение.

Каморка-гроб

Навестив Раскольникова в его квартире, его мать, Пульхерия Александровна, замечает: «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, <...> я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик» (6, 178). Эти слова матери Раскольников упоминает во время визита

⁶¹ Мальбранш Н. Разыскания истины. С. 138–139.

к нему Сони Мармеладовой (6, 183). Говоря об источнике этой метафоры в романе «Преступление и наказание», следует учесть два ее возможных варианта. В «Сказании о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святые Горы Афонския инока Парфения» (1856) — книге, особо почитаемой Достоевским, келья прославленного старца Даниада из монастыря в г. Ачинске сравнивается с гробом: «...вы сами были в городе Ачинске и в деревне Зерцала, и видели сами тех людей, которые его лично знали, и были вы сами в его келье, подобной гробу»⁶².

«Низкие потолки»

Беседуя с Соней Мармеладовой, Раскольников говорит: «Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!» (6, 320). Эта мысль встречается в известном произведении Людвига Фейербаха «Против дуализма духа и плоти»: «Во дворце мыслят иначе, чем в хижине, низкий потолок как бы давит на мозг. На вольном воздухе мы иные люди, чем в комнате; тесные помещения удручают, простор освобождает сердце и голову. Где нет случая проявить талант, там нет и талантов; где нет простора для деятельности, там нет и стремления, по крайней мере истинного стремления к деятельности. Пространство — основное условие жизни и духа»⁶³.

«Тварь дрожащая»: Коран и «Сказание» инока Парфения

Раскольников говорит: «О, как я понимаю “пророка”, с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся, “дрожащая” тварь! Прав, прав “пророк”, когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и — не желай, потому — не твое это дело!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонке!» (6, 212). Принято считать, что в основе этого текста лежат пушкинские «Подражания Корану»⁶⁴. Известно, что к моменту создания Пушкиным «Подражаний Корану» вышли в свет три перевода Корана, 1716, 1790 и 1792 гг.⁶⁵ Основным источником сведений о книге пророка Магомета,

⁶² [Парфений] Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святые Горы Афонския инока Парфения. 1855. Ч. 2. Т. 3. С. 158.

⁶³ Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 156.

⁶⁴ См.: 7, 382–383.

⁶⁵ Алкоран о Магомете, или Закон турецкий / Пер. с фр. П.В. Постникова. СПб., 1716; Книга Ал-Коран аравалянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную

которые легли в основание стихотворения Пушкина, считается перевод М. И. Веревкина (издание 1790 г.), поскольку эта книга была в библиотеке поэта. Слово сочетание «дрожжащая тварь», употребленное Пушкиным, отсутствует во всех трех изданиях Корана, однако это не является препятствием к тому, чтобы признать, что эти издания (или по крайней мере одно из них) были источниками для формирования упомянутого художественного знака. Слово «тварь» десятки раз употребляется в книге, особенно в издании 1792 г., обозначая собой чаще всего потрясенное страхом, трепещущее человеческое существо, с почтением внимающее Господу и его пророкам. В основе этого страха и трепета лежит уверенность в том, что это человек нуждается в Боге, в то время как Бог «не имеет нужды в тварях своих»⁶⁶. Магомет приглашает человека ужаснуться своей участи на Земле и пребывать в этом состоянии на протяжении всей жизни⁶⁷, испытывая мистический «трепет», в каком он пребывает сам. Страдая от эпилепсии и теряя во время приступов сознание, он объяснял свои состояния тем, что ему является архангел Гавриил, что и заставляло его впадать в беспамятство от ужаса и трепета⁶⁸. В тексте обоих изданий содержатся многочисленные указания на то, что страх и трепет — добродетель верующего, желательное состояние для Господа Бога⁶⁹. Основанием для «страха Божьего», на котором сделан акцент в Коране, является сама вера, которая тем выше, чем сильнее мистический страх перед Богом⁷⁰, то, как растут плоды на деревьях, «показует единство Божие имеющим страх Божий в сердце»⁷¹; «Имейте страх Божий перед очами», призывает Магомет⁷². Он описывает, как при встрече с Господом «от страха падает яко мертв» Моисей⁷³.

«Твари» трактуются в Коране как «пленники», содрогающиеся от ужаса перед лицом грядущей участи; с другой стороны, Бог

за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божьих. Часть первая. Перевод с арабского на французский язык Андрея-дю-Рюэра-де-ла-Гард-Малезера, одного из подданных дворян короля французского <...> по-русски же предложена Московского наместничества Клинской округи в сельце Михалево. 1790 / Пер. М. И. Веревкина. СПб., 1790; Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на англинский, с приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем, и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомедов, сочиненного славным доктором Придо. С англинского на российской перевел Алексей Колмаков. Часть первая. СПб., 1792.

⁶⁶ Коран. 1790. С. 76.

⁶⁷ Там же. С. 101.

⁶⁸ Предисловие // Коран. 1790. С. VII.

⁶⁹ Коран. 1790. С. 47, 150, 151, 159, 166, 169, 170, 177 и др.

⁷⁰ Там же. С. 2, 37.

⁷¹ Там же. С. 112.

⁷² Там же. С. 94.

⁷³ Там же. С. 135.

милосерден только «к имеющим страх в сердцах»⁷⁴; «Бог помощник носящим его страх в сердцах своих»⁷⁵. Пророчество Магомета требует от верующих постоянного переживания страха, награда за это ждет «благих людей на Земле», «которые веруют закону моему, страх мой имеют в сердцах»⁷⁶. Эти смыслы, без всяких изменений, присутствуют и в издании 1792 г., сделанном по английскому переводу Корана⁷⁷. «Руководство и наставление», которое дает Магомет в своем откровении, требует от верующих взывать к Господу «со страхом и усердием»⁷⁸, внимать пророкам⁷⁹. Себя Магомет провозглашает посредником между человеком и Богом⁸⁰. Блаженны лишь те, чьи «сердца объемлются страхом», «когда имя Божие упоминается и коих вера возрастает»⁸¹. Можно сделать вывод, что словосочетание «дрожащая тварь» является точной формулировкой одной из основных тем Корана во всех трех доступных Пушкину изданиях. Следует отметить также, что в библиотеке Достоевского было издание Корана на французском языке 1847 г.⁸², в 1864 г. с него был сделан русский перевод, который он также мог видеть⁸³, в 1865 г. вышло второе издание. В этой книге также сохраняется основная идея Корана, сформулированная в текстах предыдущих изданий: страх и трепет смертного человека перед Богом и его посланником, пророком, является важнейшим условием для спасения от смерти. В издании 1864 г. содержится несколько упоминаний о трепещущих и внимающих пророку смертных «тварях»⁸⁴. Особенность восприятия Раскольниковым личности Магомета заключается в том, что для него это не только человек, сказавший услышанное другими «новое слово», но крупный военачальник, которого герой романа Достоевского ставит на одну доску с Наполеоном Бонапартом (6, 200). Военные походы Магомета, его жестокость и успешные действия как полководца описаны в «Предисловии» к изданию 1864 г.⁸⁵

Возможно, что Коран — не единственный источник этого текста. Заметим также, что «твари дрожащие» упоминаются в книге инок Парфения: «А что глаголю небесное? Ангельского тела не восприях, да по-

⁷⁴ Коран. 1790. С. 151.

⁷⁵ Там же. С. 158.

⁷⁶ Там же. С. 202.

⁷⁷ Коран. 1792. С. 7, 33, 111 и др.

⁷⁸ Там же. С. 113.

⁷⁹ Там же. С. 65.

⁸⁰ Там же. С. 98.

⁸¹ Там же. С. 128.

⁸² *Le Koran. Traduction nouvelle faite sur le texte arabe par m. Kasimirski. Paris, 1847.*

⁸³ Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским. С примечаниями и жизнеописанием Магомета. С французского перевел К. Николаев. М., 1864.

⁸⁴ Там же. С. 233, 234, 306, 317.

⁸⁵ Предисловие // Коран Магомета, переведенный с арабского на французский. С. XVIII–XXV.

знаешь, яко паче небеси, паче Ангел, и всея твари дражайши есть Церковь»⁸⁶. В этой же книге упоминаются и «трепещущие твари»: «Сам Господь Бог и Творец всея твари, Царь Небесный, на Негоже не смеют чини ангельские взирати, Его же небеса не вмещают, и от Его же лица трепещет вся тварь <...> хочет вселиться в наше сердце и жить в нем!»⁸⁷

Имя Раскольникова

Возможно, Достоевскому помнилась книга его любимого автора инока Парфения — Опровержение записки о русском расколе (М., 1864. 168 с.). В подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию» встречается каллиграфическая пропись «Schisme» — схизма, раскол, ересь, отступничество от веры, отпадение от церкви⁸⁸. Пропись, вероятно, имеет отношение к семантике имени главного героя, а также к сюжету романа, завершающегося в эпилоге нравственным возрождением Раскольникова и его согласием преодолеть раскол с мирозданием, принять его в том виде, какой ранее был для него категорически неприемлем.

Порфирий Петрович и Наполеон Бонапарт

Обсуждая связь, существующую между жизненным путем исторического деятеля и карьерой военного, Порфирий Петрович указывает на свое стремление подбирать «из военной истории примерчики», а также высказывает предположение, что в случае выбора им военной карьеры «Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!» (6, 263). Вероятно, персонаж Достоевского намекает на мысль Наполеона Бонапарта, который рассматривал свой путь к вершине славы как простую смену воинских званий — от поручика до генерала. Нижеследующая история содержится сразу в нескольких изданиях первой половины XIX в., в которых излагались случаи из жизни Наполеона Бонапарта: «На одном параде молодой офицер подошел к Наполеону, жаловался, что, прослужив уже пять лет в поручичьем чине, снова обойден при последнем производстве. Наполеон ответил ему: “Успокойтесь: я семь лет был поручиком, а при всем том успел выслужиться!”»⁸⁹.

⁸⁶ [Парфений] Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святые Горы Афонския инока Парфения. Ч. 1. С. 58.

⁸⁷ Там же. С. 286.

⁸⁸ Schisme (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 107).

⁸⁹ Полные анекдоты Наполеона Бонапарте, изображающие как характер его, так и воинские дарования, с приложением краткого, но верного обозрения его жизни от самой юности по смерть его; описание острова Св. Елены. Ч. 2. М., 1831. С. 7.

Перетащить на себе

Известная сентенция Достоевского, сформулированная им в процессе работы над «Преступлением и наказанием»: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» (7, 153), является парафразом идей Ф. Шиллера и Б. Паскаля. Идею о том, что счастье, понимаемое как осознанное стремление к моральному совершенству, всегда сопровождается страданием, высказывал Ф. Шиллер в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека»: «...напряжение отдельных духовных сил может создавать выдающихся людей, но только равномерное их сочетание создает людей счастливых и совершенных»; «...безусловное благо может осчастливить человека лишь при условиях, которых нельзя, вообще говоря, предположить; ибо истина покупается ценою отречения, а в чистую волю верит лишь чистое сердце»⁹⁰. Вторую часть текста — о необходимости выработки своей жизненной идеи собственными силами — писатель мог почерпнуть из произведений Паскаля: «Обыкновенно мы лучше убеждаемся причинами, которые приискали сами, чем теми, которые пришли на ум другим»⁹¹.

Подсказка сюжета

Сюжет романа «Преступление и наказание», возможно, был подсказан Достоевскому еще в юности Ксенофонтом Алексеевичем Полевым (1801–1867), выступавшим в периодической печати под псевдонимом «К. П.»⁹². В своей рецензии на только вышедший в составе «Петербургского сборника» роман «Бедные люди» он указал на возможный ход сюжета романа Достоевского — совершение Дежушкиным преступления из филантропических побуждений, от отчаяния и для спасения жизни и благополучия таких невинных страдальцев, как Варенька Доброселова. Он писал: «Жизнь одного такого человека есть уже страшная драма, потому что бедность лишает не только одежды и куска хлеба — это было бы несчастье еще переносимое — нет, она унижает, она губит человека нравственно, она постепенно, медленно высасывает из него сердце, душу, ум, она делает его негодяем даже посреди тех людей, которые боятся только полицей-

⁹⁰ Шиллер Ф. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1957. С. 270, 356.

⁹¹ Паскаль Б. Мысли. СПб., 1843. С. 141.

⁹² Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801–1867) — русский писатель и литературный критик, выступавший в периодической печати под псевдонимом «К. П.». См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1957. Т. 2. С. 17.

ского надзора. <...> Тот не видал и не знает бедности, кто не знает, в какие положения, в какое общество ставит она человека, как заставляет его привыкать к таким предметам, о которых одна мысль привела бы его в ужас за несколько лет прежде. <...> самая мысль о бедности доводит человека до преступления, и показать одну черту этого ужасного страшилища есть уже, как мы сказали, доказательство искусства»⁹³.

Это не преступление

Размышляя о своем проекте, убийстве процентщицы, Раскольников проанализировал морально-онтологическую подоплеку этого дела и нашел ему логическое оправдание, придя в итоге к выводу, что «задуманное им — “не преступление”» (6, 59). В своем «Разыскании истины» Мальбранш доказывал, что называть человека «преступником» лишь за то, что он сделал нечто, резко выходящее за рамки установленных обществом ограничений, — серьезная ошибка. Приводя в пример библейскую историю, Мальбранш обратил внимание на то, что Иисус Христос не наказывает Иуду, хотя и знает о его планах; причина заключается в том, что он отстаивал здесь требование свободы совести, возможности мыслить свободно — высшей ценности человеческого бытия, «ибо нравственно невозможно, кажется, чтобы все члены одного ордена одинаково бы мыслили»⁹⁴. Опираясь на Декарта, Мальбранш последовательно доказывает, что поскольку Бог находится в прямом и непрерывном контакте с нашим сознанием и контролирует всё, что мы видим и осознаём, ничто в мире не совершается помимо Божественного Промысла. Отсюда «не следует верить людям на слово, когда они обвиняют других в величайших преступлениях»⁹⁵, и для того чтобы понять смысл произошедшего, необходимо прислушаться к голосу Высшего Разума, который единственный может наставить на путь истинный и дать верную оценку происшедшему. Процесс такого рода осмысления в рамках мальбраншевого окказионализма составляет основную часть романа «Преступления и наказание».

Бегство в Америку

В подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание» и в окончательном тексте произведения содержится мотив «бегства в Америку» как способа ухода из окружающей социальной реальности (6, 99–100, 384; 7, 139). Герои Достоевского постоянно пребывают

⁹³ «Бедные люди». Роман Федора Достоевского. С. Петербург. В типогр. Эдуарда Праца. 1847. В 8 д. л. 181 стр. / Фельетон. Библиография // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1848. 16 января, № 12. С. 45.

⁹⁴ Мальбранш Н. Разыскания истины. С. 309.

⁹⁵ Там же. С. 345.

в «сквернейшем расположении духа от столкновения с действительностью», что заставляет их «порвать со всеми и уйти от всех, даже в Америку» (15, 188), перед ними стоит дилемма: «в Америку или убить себя» (16, 224), «пронестись громовой тучей и оставить всех в страхе и в восхищении, а самому скрыться в пустыню или в Американские Штаты <...> бросить всё, порвать со всеми и в Америку» (16, 311). В исследованиях, посвященных этой теме, отмечено, что в данном случае речь идет о Северной Америке, в частности США. Основания для этого — неоднократно звучавшая в иных текстах писателя мысль о возможности увидеть и попробовать «свободный труд в свободном государстве», которую мы встречаем в «Дневнике писателя» за 1873 г. (21, 135), а также, с подобной же целью, путешествие героев «Бесов» в США (10, 11–112).

Эта же идея «бегства в Америку» содержится в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. XI, «Мечты и грезы») «Мечтатель. Самоубийство»; «Мечтатель. Мысли о самоубийстве»; «Подросток думает о самоубийстве...» (16, 125). Эта мысль многократно подчеркнута в текстах Достоевского, как в окончанных произведениях, так и в рукописях и подготовительных материалах к ним, например: «...стало быть, нет добра, застрелиться хочет» (15, 306). Мотивировка самоубийства у Достоевского — точно такая же, как и «отъезда в глушь» (США, необитаемый остров, кантон Ури в Швейцарии, пустынное место в России или Финляндии). Мотивы ухода из социальной реальности постоянно и везде — одни и те же: «Лучше пулю в лоб <...> Всем мешаю: пулю в лоб» («Преступление и наказание»; 7, 139); «Один удар в висок, и ничего не будет» («Бесы»; 10, 187).

Мысль о том, чтобы скрыться в Америке, приходит на ум Раскольникову, который не знает, куда девать себя в своем онтологическом и моральном «запустении» («Зачем приводил его Разумихин?.. — бормотал он в бессилии, садясь опять на диван. — Что ж это? Бред ли это всё со мной продолжается или взаправду? Кажется, взаправду... А, вспомнил: бежать! скорее бежать, непременно, непременно бежать! Да... а куда? <...> Лучше совсем бежать... далеко... в Америку, и наплевать на них!» (6, 99–100). В стремлении найти себя и свое «счастье» думает о бегстве в Америку Свидригайлов (6, 215), советует сделать то же Раскольникову, указывая на его моральный максимализм: «Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонку можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку! Бегите, молодой человек! Может, есть еще время» (6, 373). Заметим, что здесь не указана именно Северная Америка, но указано на пустынное, малоизвестное место — «куда-нибудь в Америку». Таким пустынным местом, где можно вдалеке от цивилизации заняться строительством своей жизни с нуля, помимо необитаемого острова, героям Достоевского представляется также Финляндия (7, 72). Идея бегства в Америку как некое последнее средство попытаться реализовать свою жизнь в каком-то настоящем деле упомянута в романе «Подросток»

ток»: «Дорогой я спросил Ефима, всё ли еще он держит намерение бежать в Америку? — Может, и подожду еще, — ответил он с легким смехом» (Подросток; 13, 42).

В разговоре главного героя «Подростка» и Крафта называется основная идея такого «бегства»: «Зачем лезть к людям, которые вас не хотят? Не лучше ли всё порвать, — а? — А потом куда? — спросил он как-то сурово и смотря в землю. — К себе, к себе! Всё порвать и уйти к себе! В Америку? — В Америку! К себе, к одному себе! Вот в чем вся “моя идея”, Крафт! — сказал я восторженно. Он как-то любопытно посмотрел на меня. — А у вас есть это место: “к себе”? — Есть» (13, 60). Это «к себе» звучит в данном контексте как место, выключенное из всех социальных связей, некое альтернативное, отъединенное от постылой окружающей обстановки; с еще большей откровенностью эта мысль выражена в черновике⁹⁶. В «Братьях Карамазовых» эта тема также занимает значительное место: во время суда над Дмитрием Карамазовым, в собравшемся в зале народе как бы в насмешку над идеей необитаемого острова звучит мысль о другом острове, обитаемом и не столь далеком, как берега Венесуэлы: это Кронштадт: «Далеко куликам. — Каким куликам? Почему далеко? — А мы запрем Кронштадт да и не дадим им хлеба. Где они возьмут? — А в Америке? Теперь в Америке» (15, 152)⁹⁷. Мысль о бегстве в Америку строго осуждает Коля Красоткин, называя это «глупостью» и «низостью» (14, 501), Дмитрий Карамазов сообщает Алеше о том, что «брат Иван мне предлагает бежать <...> В Америку с Грушей» (15, 34). Заметим, что стремление попасть на необитаемый остров у героев Достоевского полностью лишено идеи приобщиться к какой-то экзотике. Уходя от идеи «кантона Ури» и необитаемого острова, Дмитрий Карамазов в качестве варианта места полного забвения и ухода от цивилизации предлагает российскую глубинку: «Бежим сюда, в Россию <...> в городишко не явимся. Спрячемся куда-нибудь подальше, на север али на юг. <...> я себе один глаз проколю, бороду отпущу в аршин, седую (по России-то поседею) — авось не узнают» (15, 186). Отъезд в лишенное географических координат место, условно называемое «Америкой», для героев Достоевского, как мы видим, означает попытку новой жизни взамен неудавшейся — или отсутствие всякой жизни (Свидригайлов, Ставрогин, Крафт), и то, и другое есть более или менее ужасный выход из невыносимой жизни «здесь», где проживается не своя, чужая жизнь. Это и есть то самое многообещающее «там», в отличие от ужасающего «здесь», которое есть ад.

⁹⁶ «Лучше всего бросить всё и так, и уйти к себе. — Куда? в Америку? — Это прямо в гости. К себе, просто к себе! — У вас есть это место? — Есть» (16, 234).

⁹⁷ С еще большей очевидностью связь между островом Котлин и «Америкой» в функции места последнего уединения звучит в подготовительных материалах: «А мы запрем Кронштадт, да и не дадим им хлеба. Где они возьмут? — Ну, это, брат, не так стра[шно]. Да в Америке» (15, 358).

Свидригайлов приглашает Раскольникова уехать прочь «куда-нибудь поскорее в Америку!» (6, 373), и в нашей научной литературе принято считать, что речь идет именно о Северной Америке, в частности США. Основания для этого — неоднократно звучавшая в иных текстах писателя мысль о возможности увидеть и попробовать «свободный труд в свободном государстве», которую мы встречаем в «Дневнике писателя» за 1873 г. (21, 135), а также с подобной же целью путешествие героев «Бесов» в США (10, 11–112). Однако в данном случае — в «Преступлении и наказании» — идея уехать «куда-нибудь в Америку» намекает на уход от цивилизации в некую неизбывную глушь, делая в таком ракурсе самым привлекательным местом именно необитаемый остров. Свидригайлов хочет уйти от общественной жизни, его категорически не устраивающей, в забытье и изоляцию, туда же приглашает и Раскольникова. Герой-философ Достоевского готов скорее уничтожить себя, чем впустую тратить свои недюжинные интеллектуальные силы и запасы духовной энергии. Очевидно, что уровень сходства между самоубийством и поселением в одиночестве на необитаемом острове выше, чем между поездкой в США и уходом из жизни. Такая трактовка многократно применяется Достоевским в диалогах героев, связанных с попыткой изменить свою судьбу, в романе «Братья Карамазовы» — таковы различные вариации проекта избавления от постылой действительности с помощью бегства в «Америку», которые звучат время от времени в связи с судьбами Ивана и Дмитрия Карамазовых, а также опасностями, подстерегающими «русских мальчиков» (14, 240, 501; 15, 34–35, 186).

Заметим, что названия «Новый Свет» и «Америка» в эти годы распространялись отнюдь не только на Северную Америку, но на весь континент в целом⁹⁸. В первоначальном варианте «Преступления и наказания» в качестве места, которое избирает главный герой как альтернативу окружающей его действительности, называется некое место в Южном полушарии, откуда он прибыл после тридцати пяти лет отсутствия⁹⁹. Возможно, «робинзонада» была одним из решений дальнейшей судьбы Раскольникова в этот период работы над романом. Сопутствующие записи указывают на одиночество Раскольникова и терзающее его душу отчаяние, чувство глубокой безысходности. Возможность бегства Раскольникова на необитаемый остров если и не получила описания в черновых записях к «Преступлению и наказанию», то со всей очевидностью возникла в сознании Достоевского, искавшего дальнейшее продолжение жизни своего героя, очнувшегося от своего «Сна» (обморока, вызванного шоком после совершения им убийства) и думающего о своей дальнейшей жизни.

⁹⁸ Напр.: [Ирвинг В.] История жизни и путешествий Христофора Колумба. Сочинение Вашингтона Ирвинга / Перевод с французского [и предисловие] Николая Бредихина. Т. 1–4. СПб., 1836–1837. С. 356.

⁹⁹ «Точно прошло уже тридцать пять лет, и я приехал откуда-то, хоть с Южного полушария, и давно» (7, 40).

Статья «Выборгского пустынного»

Статья Раскольникова, опубликованная им в газете «Периодическая речь», где он излагает свою концепцию о двух типах жизненного пути человека (6, 198), возможно, имеет отношение к фельетону В. П. Буренина, опубликованному им в рубрике «Общественные и литературные заметки» с подписью «Выборгский пустынный» и подзаголовком: «Некоторые размышления о том, что каждому смертному, желающему быть истинно счастливым человеком, следует найти себе “настоящую линию” и не заходить на ней дальше известной точки <...>»¹⁰⁰. В статье проводится мысль об антиномии между «настоящей» и «ненастоящей» жизнями, первая из которых требует ответственного отношения в своей судьбе, а вторая — отождествляет человека с его служебной карьерой и обращает в обывателя: «Никто не усомнится в том, что наше предназначение на Земле состоит специально в исполнении заветов той зиждущей и охраняющей мир силы, которая способна проявлять себя столь же легко, хоть, например, в образе блаженной памяти гегелевского “Духа” с его исхождениями из себя и возвращениями обратно, как и в образе городского, охраняющего порядок на городских стогнах. Сообразно такому нашему предназначению, мы должны главнейшим образом уразуметь тот путь, по которому нам присуждено, так сказать, свыше совершать свое течение, отгадать ту роль, в которой нам предопределено фигурировать на сцене жизни. От более или менее удачного уразумения и прозрения зависит больше или меньше счастье наше на Земле. Блажен тот, кто, как говорится, попал на “настоящую линию”! Если ему предназначена “линия” роскошная, то всё, чем красна наша жизнь, ему приложится: для него раскроются объятия благонамеренных и награжденных солидными чинами друзей; вокруг его шеи обовьются белые, полные и гибкие как змеи руки прелестных созданий <...> словом — жизнь его уподобится, так сказать, швейцарскому сыру, купающемуся в сливочном масле. Перевертывая медаль на другую сторону, мы можем изобразить жизнь и того субъекта, которого линия хотя и настоящая, но не роскошная. Он не будет иметь целую клику друзей с чинами и орденами; но зато Небо всенепременно пошлет ему одного столь преданного <...> руки многочисленных красавиц оставят его в покое, но одна какая-нибудь ручка <...> обнимет его шею <...>. Однако нужно заметить, что дело еще не может ограничиваться только обретением такой линии: найдя ее, следует строго наблюдать, чтоб течение по ней совершалось до известной точки, за которую не следует переступать никоим образом, ибо подобное преступление грозит если не гибелью, но расстройством правильного течения»¹⁰¹. В черновых

¹⁰⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1865. 31 октября (12 ноября). С. 1.

¹⁰¹ *Выборгский Пустынный* [Буренин В. П.] *Общественные и литературные заметки* // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. 31 октября (12 ноября). С. 1.

записях к роману Достоевский называл местом публикации статьи Раскольникова именно «Санкт-Петербургские ведомости», которые именовались в городе сокращенным названием — «Ведомости»: «Скажите, в “Ведомостях” это ваша статья? — Моя. — Читал» (7, 185); «Порфирий. NB. Скажите, статья в “Ведомостях” ваша?» (7, 184). Заметим, что статья Раскольникова также посвящена вопросу о выборе человеком жизненного пути, требующего большей или меньшей самоотдачи, ответственности и свободы; что же касается приписывания ему разрешения проливать кровь по совести, то в статье Раскольникова «всего этого нет, там только намеки» (6, 203).

В одной из следующих «Заметок» продолжающегося фельетона критик детально анализирует душевное состояние человека, потрясенного осознанием «гибельного направления мира» и погруженного в сонм «гражданских слез»; он стремится исправить мироздание по-своему, он «радикал», у него «энергическое лицо» и «порывистая речь», и он напоминает Буренину одновременно и Брута, и Марата: «...он так же неряшлив, как знаменитый “друг народа” и неряшлив не одною своею внешностью <...> но и всем своим существом», «вместо крови в его сердце струится настоящая грязь, как доказывают все его полемические статьи, писанные <...> “кровью сердца”. А сонм этих юношей, готовых за свободу и право человечества так благородно и так самоотверженно... — болтать с утра до ночи»¹⁰². Смысл этой прозрачной замены слова — «болтать» после многозначительного четырехточия был внятен читателю, хорошо понимающему «эзопов язык» радикальной русской публицистики в ее противостоянии цензуре. В 1860-х гг., в связи с реформами ускорился процесс коммерциализации всех уровней социального устройства страны, и тема выбора жизненного пути, которую поднимали И. А. Гончаров в «Обыкновенной истории» и Достоевский в своих «Бедных людях», обрела экзистенциальное значение для миллионов молодых людей, вступающих в жизнь. Это чутко ощутил Буренин, и именно к молодым людям, ощущающим в себе талант и требующие реализации жизненные силы, адресовано его эссе, жестко разделяющее два пути в жизни — «настоящий» и «ненастоящий».

Библиографический список

Алкоран о Магомете, или Закон турецкий / Пер. с фр. П. В. Постникова. СПб., 1716.

[Аксаков К. С.] Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов. Ч. 1. С.-Петербург. 1845. В 8-ку. // Москвитянин. 1845. Ч. III. № 5 и 6 (май и июнь). Отд. 2: Изящная словесность и смесь. С. 91–96.

Атарова К. Н. Примечания // Дефо Д. Дневник чумного года. М., 1997. (Сер. Литературные памятники).

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959.

¹⁰² *Выборгский Пустынный*. Общественные и литературные заметки. С. 1..

Выборгский Пустынный [Буренин В. П.] Общественные и литературные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. 31 октября (12 ноября). С. 1.

Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856 гг. СПб., 1912.

Дефо Д. Дневник чумного года. М., 1997. (Сер. Литературные памятники).

[Ирвинг В.] История жизни и путешествий Христофора Колумба. Сочинение Вашингтона Ирвинга. Перевод с французского [и предисловие] Николая Бредихина. Т. 1–4. СПб., 1836–1837. С. 356.

Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским. С примечаниями и жизнеописанием Магомета. С французского перевел К. Николаев. М., 1864.

Мальбранш Н. Разыскания истины. Т. 1–2. СПб., 1903–1906.

Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910.

Паскаль Б. Мысли. СПб., 1843.

[Парфений] Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святые Горы Афонския инока Парфения. Изд. 2. Т. 3. М., 1856.

Смелова Е. Вступительная статья // Мальбранш Н. Разыскания истины. М., 1999. С. 5–29.

Спиноза Б. Этика. Минск–М., 2001.

Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1995.

Шиллер Ф. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1957.

Barsht K. A. *Crime and Punishment* by Dostoevsky: a Supplement to the commentary

Key words: D. Defoe, bathhouse with spiders, two categories of people, a crime with a good purpose, $2 \times 2 = 5$, Raskolnikov's trichina, room-coffin.

The article provides new information about the allusive sphere in Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*: quotations from the Koran and works of D. Defoe, N. Malebranche, L. Feuerbach, B. Pascal, W. Irving, V. G. Belinsky, the Koran, the monk Parthenios, V. P. Burenin and cryptographic references to the events of the personal life of the writer.

References

[Aksakov K. S.] Fiziologija Peterburga, sostavlennaja iz trudov russkih literatorov. Ch. 1. Sankt-Petersburg, 1845. V 8-ku. *Moskvitjanin*. 1845. Vol. III. N 5–6 (May–June). Otd. 2: Izjashhnaja slovesnost' i smes'. P. 91–96.

Alkoran o Magomete, ili Zakon tureckij [Per. s fr. P. V. Postnikova]. Saint Petersburg, 1716.

Atarova K. N. Primechanija. *Defo D. Dnevnik chumnogo goda*. Moskow, 1997. (Ser. Literaturnye pamjatniki).

Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij*: In 13 vols. M., 1953–1959.

Defoe D. *Dnevnik chumnogo goda*. Moskow, 1997. (Ser. Literaturnye pamjatniki).

Feuerbach L. *Sochinenija*: In 2 vols. Vol. 1. Moskow, 1995.

[Irving V.] *Istorija zhizni i puteshestvij Hristofora Kolomba*. Sochinenie Vashingtona Irvinga. Perevod s francuzskogo [i predislovie] Nikolaja Bredihina. Vols. 1–4. Saint Petersburg, 1836–1837.

Koran Magometa, perevedennyj s arabskogo na francuzskij perevodchikom francuzskogo posol'stva v Persii Kazimirskim. S primechanijami i zhizneopisaniem Magometa. S francuzskogo perevel K. Nikolaev. Moskow, 1864.

Malebranche N. *Razyskanija istiny*. Vols. 1–2. Saint Petersburg, 1903–1906.

Modzalevskij B. L. *Biblioteka A. S. Pushkina*. Saint Petersburg, 1910.

[Parfenii] *Skazanie o stranstvii i puteshestvii po Rossii, Moldavii, Turcii i Svjatoj Zemle postrizhenika Svjatye Gory Afonskija inoka Parfenija*. 2nd ed. Vol. 3. Moskow, 1856.

Pascal B. *Mysli*. Saint Petersburg, 1843.

Schiller F. *Sobranie sochinenij*. Vol. 6. Moskow, 1957.

Smelova E. Vstupitel'naja stat'ja. *Malebranche N. Razyskanija istiny*. Moskow, 1999. P. 5–29.

Spinoza B. *Etika*. Minsk–Moskow, 2001.

Vrangel' A. E. *Vospominanija o F. M. Dostoevskom v Sibiri. 1854–1856 gg.* Saint Petersburg, 1912.

Vyborgskij Pustynnik [Burenin V. P.] *Obshhestvennye i literaturnye zametki. Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1865. 31 Oktober (12 November). P. 1.